

ЛЮК БЕССОН / LUORESSON

АРТУР

И ВОЙНА ДВУХ МИРОВ

ОТ СОЗДАТЕЛЯ «КОРОЛЕВОГО ЗЕМЛЯКА»

АННОТАЦИЯ

Мастер фантазии, иллюзии, головокружительных сюжетов, Люк Бессон, режиссер «Пятого элемента», «Никиты», «Голубой бездны» и других замечательных кинофильмов, создает новую сказку. Это его дебют в детской литературе, и в этой сказочной повести есть все — тайны, загадки, погони, клады, волшебство...

Какие дьявольские планы собирается осуществить Урдалак, чтобы завоевать новый мир, в который он переместился обманным путем? Как Артур, оставшийся в мире минипутов, сможет победить жестокого Ужасного У?

Чтобы сохранить любовь прекрасной принцессы Селении, Артур готов вступить в бой против Урдалака как в мире минипутов, так и в большом реальном мире...

ГЛАВА 1

Солнышко проснулось и неспешно пустилось в путь к зениту, а предрассветный туман стал рассеиваться и постепенно исчез, не оставив и следа, словно случайный вздох. Сад, окружающий дом Артура, как всегда, напоминает райские кущи. Ближайший лес тоже может похвастаться красотой зеленого убранства. Деревья все как на подбор стройные, с пышной, блестящей на солнце листвой, цветы щеголяют ослепительно-яркими нарядами. Но несмотря на все великолепие этого восхитительного уголка, в нем царит поистине мертвая тишина. Не слышно даже царапанья бесчисленных ног многоножки, которая, отдуваясь, целеустремленно карабкается по древесному стволу. Даже знаменитый соловей, учитель пения королевской семьи, не издает ни звука. Соловей, который с самого рождения не пропустил ни одного утра, чтобы не исполнить в его честь хотя бы одну песенку.

Впрочем, причины гнетущей тишины нам уже известны: в окрестностях появился Ужасный У и все живые существа, включая самых крохотных, ощущают зловещее присутствие этой мрачной личности. И все же... хрусткие звуки, словно кто-то неловко наступил на сухую ветку, дерзают нарушить гробовое безмолвие. Кто же этот безрассудный зверь, рискнувший любопытства ради выскочить из своей норы?

Наверное, он слепой, глухой и вдобавок подхватил насморк, от которого у него заложило нос, и он совсем ничего не чувствует. Кто здесь настолько глуп, что движется с таким скрипом, словно идет не по лесу, а по разошедшемуся паркету в доме с привидениями? Конечно же это типичный представитель человеческой разновидности, именуемой обычно *homo idioticus*, а проще говоря, Арман.

— Артур?! — раздвигая заросли кустарника, кричит отец, полагая видимо, что сын его прячется именно там. — Послушай, давай выходи! Папа на тебя не сердится!

И это чистая правда. Арман несколько не сердится. Он, пожалуй, даже встревожен. Его сын неожиданно исчез прошлой ночью. Все были уверены, что он сладко спит на заднем сиденье машины. Но, когда мальчика решили разбудить, оказалось, что на его месте храпит пес Альфред. И с тех пор Артура никто не видел — ни дедушка Арчибальд, ни бабулечка Маргарита, ни мать Артура, у которой после приключений на болоте стекла очков покрылись густой сеткой царапин. И теперь, даже если бы Артур появился

перед самым ее носом, она бы наверняка спутала его с собакой.

— Ты выиграл, Артур, теперь можешь выходить! Смотри у меня, папа рассердится, если ты не будешь его слушаться, — громко и нарочито строго заявляет отец.

Лес по-прежнему безмолвствует. Арман начинает терять терпение — то ли от усталости, то ли от нарастающего чувства тревоги.

— Если ты перестанешь прятаться и выйдешь ко мне, получишь целую коробку зефира, — вкрадчивым голосом произносит отец, решив сменить тактику и сделать свои приказы более привлекательными. — И тебе разрешат съесть ее всю, целиком, хотя после у тебя непременно заболит живот!

Отец говорит игривым тоном, хотя в эти минуты в лесу никто не расположен играть. Однако чей-то аппетит, прельщенный лакомством, явно не выдержал, и кусты зашевелились. В глазах доброго папы вспыхивает надежда, а лицо мгновенно расплывается в улыбке.

— Ага! Так, значит, это твой живот урчит в кустах! Это-он-хочет-получить-целую-коробку-зефира? — обращается отец к невидимому Артуру, вероятно позабыв, что сын его давно уже вышел из того возраста, когда за конфету ребенок готов выполнить любое требование родителей.

Бесспорно, идея воззвать к желудку была плодотворной. Ветки заколыхались сильнее, и кто-то начал продираться сквозь густой кустарник. Этот кто-то явно очень большой, так как каждый его шаг сопровождается гулким звуком, словно навстречу вам движется каменный гигант с острова Пасхи.

Отец удивлен. Разумеется, ему кажется, что он не видел сына целую вечность, а значит, мальчик вполне мог подрасти. Однако не настолько, чтобы носить обувь пятьдесят первого размера. Отцу становится не по себе. И в надежде, что с его дорогим чадом ничего не случилось, он заискивающим тоном продолжает призывать его:

— Так-для-какого-послушного-мальчика-папа-припас-коробочку-зефира?

Ответ следует быстро, скорее, чем его ожидали: кусты раздвигаются и из них выходит чудовище ростом два метра сорок сантиметров. Это Урдалак собственной персоной.

— А коробочка зефира будет моя! — нараспев произносит повелитель мрака, тем самым доказывая, что можно быть одновременно и мерзавцем, и гурманом.

Инстинктивно наполнив легкие воздухом, Арман готовится побить рекорд, издав самый громкий вопль, но страх его столь велик, что

голосовые связки отказываются работать, и он лишь разевает рот и пыхтит, напоминая выброшенную на берег ошалелую рыбу. Вторая попытка завопить также завершается неудачей: он часто-часто разевает рот и дышит так отрывисто, что, будь на его именинном пироге всего три свечи, вряд ли он сумел бы задуть даже их.

Урдалак подходит к Арману и с высоты своего гигантского роста пристально его разглядывает.

Отец дрожит так сильно, что листья на соседних кустах дрожат вместе с ним. А еще у него стучат зубы, из горла вырывается шипение, и, объединившись, все эти звуки воссоздают вполне бодрый ритм, более всего напоминающий ритм самбы.

Обладая недурным музыкальным слухом, Урдалак не может остаться равнодушным к фиесте и начинает пританцовывать на месте. Впрочем, применительно к Урдалаку слово «слух» является не более чем метафорой, так как Ужасный У наполовину уже сгнил и давно не имеет никаких ушей. Но это ему нисколько не мешает, ибо он никогда не слушает, что говорят другие.

— Ну и где?.. Где этот ваш зефир? — нетерпеливо спрашивает повелитель мрака.

Собрав в кулак все свое мужество, Арман наконец выдает загадочную тираду.

— Ай-яй-йя-я-а... а-яй-яй-я-я-а! — нараспев, словно певица, исполняющая частушки, голосит он.

— Я-я? Чего ты-ты? Ты съел зефир? — охваченный ужасным подозрением, возмущенно восклицает Урдалак.

— Ох, о-ла-ла!.. Ой, о-ла-ла! Ах, а-ла-ла! — бормочет Арман, леденя от ужаса.

— Ну, что там еще за Аллах? Это он съел зефир? — встревоженно вопрошает Урдалак.

— Нет! Нет! Зе... зе-зе... зекир!.. кефир!.. вампир!.. лежит!.. на кухне!.. Моя... бежать... собрать... забрать... набрать... летать! — завершает свою путаную речь Арман, не трогаясь с места.

Кажется, даже Урдалак мало что понял из его речи.

— Ладно, согласен, только поторопись! Любое терпение имеет свои границы, и это единственные границы, которые я готов признать. — И он величественным жестом отсылает перепуганного Армана, готового от страха исполнить любое повеление Ужасного У.

В знак согласия Арман кивает головой. В зависимости от того, приходится ему отвечать «да» или «нет», зубы его выстукивают

совершенно разные мелодии.

Арман улепетывает со всех ног, словно кролик в нору. Не в силах долее сдерживать рвущийся наружу смех, Урдалак громогласно хохочет. Оказывается, манипулировать людьми еще проще, чем он предполагал. Управление осматами и то требовало у него больше времени. А здесь стоило ему показаться во всей своей отвратительной красе — и пожалуйста, человек уже с радостью тебе подчиняется. Не надо даже издавать свой знаменитый вой, секрет которого известен ему одному, не надо угрожать кривыми, словно у коршуна, когтями. Достаточно просто выпрямиться во весь рост, и человек сникает и превращается в смиренного агнца.

При этой мысли на омерзительной физиономии Урдалака появляется некое подобие улыбки. Впрочем, только хорошо зная Урдалака, можно догадаться, что речь идет именно об улыбке. Увидев его ухмылочку, любой бросится вызывать «скорую помощь».

Урдалак окидывает взором смолкший опустевший лес. На самом деле не такой уж он и опустевший. Под каждым кустом, каждым корешком блестит множество любопытных глаз, чьи владельцы, холодея от страха, взирают на чудовищного пришельца из другого мира. Урдалак не видит их, но чувствует их присутствие. Однако любой властелин прекрасно знает, что он всегда находится в центре внимания. Собственно говоря, вызывать всеобщее восхищение, ощущать себя маяком, к которому в ночной мгле устремлены взоры заблудившихся моряков, входит в обязанности повелителя.

Думая о том, какое многочисленное общество сейчас наблюдает за ним, Урдалак улыбается еще шире. Замирая в тревожном ожидании, общество пытается отгадать, каковы будут его дальнейшие действия.

Если бы Ужасный У был инопланетянином, вряд ли что-нибудь изменилось. Всех интересовал бы вопрос: с какими целями он прибыл? Готов ли он делить с обитателями незнакомой ему планеты их радости и печали? Или он явился как завоеватель, с намерением разграбить здешние богатства? И все ждут от него такого знака, на основании которого каждому станет ясно, явился он сюда с миром или с войной.

Но ничего не происходит. Используя затишье перед бурей, Урдалак удовлетворенно оглядывается по сторонам и плотоядно ухмыляется. Надо сказать, что у таких негодяев, как Урдалак, молчание является наиболее изощренной пыткой. Десятки грызунов начинают в ужасе стучать зубами, сотни птиц от страха щелкают клювами, а у хлопнувшей в обморок сороконожки с хрустом ломаются все сорок ног.

Урдалак набирает в грудь побольше воздуха, и лесные обитатели, затаив дыхание, ждут чего-то ужасного. Решив, наконец, что его будущие подданные достаточно напуганы, повелитель зычно выталкивает из себя воздух:

...У-у-у-уххххх!

Звук получился ничуть не сильный, мы бы даже сказали — слабый, особенно принимая во внимание старания, потраченные на его воспроизведение. Но замершие в ожидании худшего лесные жители подскакивают от ужаса. Эхо урдалачьего воя разбегается во все стороны, хаотично распространяясь полесу. Птички падают в обморок, сороконожки, спотыкаясь, мчатся в сорок сторон сразу, белки и зайцы, отпихивая друг друга, шмыгают в любую встреченную на пути щель. Словом, воцаряется паника. Даже выстрел из пушки, догадайся Урдалак произвести таковой, вряд ли вызвал бы подобное смятение. И Урдалак начинает хохотать — оглушительно, отрывисто, содрогаясь своим искореженным телом.

Раскатившись по лесу, оглушительный хохот сбегает с окрестных холмов и докатывается до городка, заставляя ужаснуться его обитателей, решивших, что надвигается ураган.

Громоподобный смех, напоминающий звук камнепада во время оползня, разбудил Арчибальда. Достойный старичок спал в кресле посреди гостиной. Напомним, ночью ему поспать не удалось. Да и как он мог заснуть, узнав, что его внук навсегда исчез в дебрях сада?

Едва тревожная весть дошла до Арчибальда, он снял с полок все книжки, в которых говорилось о мире минипутов, и принялся их листать, стремясь найти хотя бы крошечную зацепку, позволяющую надеяться на спасение внука. До двух часов ночи Маргарита через каждые полчаса приносила ему свежесваренный кофе. Но потом силы у почтенной старушки иссякли, и она, с трудом дотащившись до спальни, рухнула на кровать. Арчибальд держался и продолжал упорно переворачивать страницы, стремясь не упустить ни малейшего шанса обнаружить нечто такое, что помогло бы ему вызволить внука из мира минипутов. Но поиски ни к чему не привели, усталость сморила его, и в пять часов утра, не дождавшись петушиного крика, Арчибальд задремал. Он так устал, что уже через минуту погрузился в глубочайший сон. И никто и ничто не могло пробудить его от этого сна. Кроме, разумеется, ужасного хохота Урдалака, который, как известно, мог бы разбудить даже мертвого. Впрочем, Урдалак скорее предпочел бы отправить к мертвецам всех живых.

Арчибальд подскакивает, словно потревоженная белка в дупле, и трижды обегает вокруг кресла, пока наконец не начинает понимать, что

находится в собственной гостиной. Стряхнув с себя остатки сна, он останавливается и прищуривается, стараясь сообразить, откуда исходит сей нечеловеческий рев. Видимо, есть некая таинственная связь, объединяющая слух и зрение, и поэтому, когда мы хотим что-нибудь получше расслышать, начинаем щуриться.

Итак, прислушавшись и прищурившись, Арчибальд задается вопросом: кто в столь ранний час гибнет в нечеловеческих мучениях? Послушав немного, он констатирует, что даже свинья, которую режет мясник, издает значительно более мелодичные звуки. А жуткий, леденящий кровь рев, доносящийся с улицы, состоит из беспорядочных громовых раскатов. Раскаты такие мощные, что сотрясаются стены и на пол падает рамочка, где под стекло вставлена семейная фотография. Теперь она валяется на полу, засыпанная осколками. Аккуратно стряхнув с нее стекло, дедушка поднимает пожелтевшее от времени фото, с которого, весело улыбаясь, на него смотрят он сам, Маргарита и Артур. Арчибальд вспоминает, как еще совсем недавно они все трое были вместе и беспечно наслаждались солнышком и щедро отпущенной им хорошей погодой, позабыв, что у природы в запасе всегда имеются тучи. Лица на фотографии излучают столько счастья и радости жизни, что при одном только взгляде на них любая беда должна бежать без оглядки.

Однако несчастье терпеливо, и у него есть могущественный союзник. Этот союзник — время. Увы, время всегда стремится обыграть счастье и начать новую партию по правилам несчастья. Время разлучает людей, делает фотографии желтыми и тусклыми и оставляет свои отметины на лицах.

Непрошенная слеза скатывается по щеке Арчибальда. Ах, как ему хочется вернуть убежавшее, словно песок сквозь пальцы, время, то время, когда счастье обитало в каждом углу его дома! Но время похоже на сон, и его нельзя ни поймать, ни остановить.

Тяжко вздохнув, Арчибальд аккуратно ставит фотографию на комод. Раскатистые звуки стихли, им на смену пришли другие, не менее загадочные. Новые звуки доносятся со двора, точнее, с посыпанной гравием площадки перед крыльцом. Звуки настолько странные, что невозможно сказать, издает их механизм или живое существо. Они напоминают прерывистое дыхание запыхавшейся собаки, свист воздуха, вырывающегося из проколотой автомобильной шины и чиханье выхлопной трубы одновременно. Хотя, быть может, речь идет всего лишь о собаке, чихающей оттого, что ей в нос попали выхлопные газы автомобиля с лопнувшей шиной.

Решив выяснить, в чем дело, Арчибальд открывает входную дверь и видит, что по дорожке, ведущей к крыльцу дома, идет Арман. Отец Артура пребывает в совершеннейшем расстройстве чувств и, видимо, именно поэтому тяжело дышит, словно запыхавшийся пес, дымится, словно радиатор, и спотыкается, словно автомобиль на трех колесах. То есть Арчибальд не слишком ошибся в своих предположениях. Не дойдя до дома, Арман без сил опускается на первую же скамейку, стоящую возле веранды. Вид зятя в полнейшем раздрызге чувств не может оставить Арчибальда равнодушным. Его охватывает тревога, поскольку выглядит Арман так ужасно, что даже после партии в крикет с командой слонов он наверняка был бы в лучшей форме.

— Что с вами случилось, Арман? — спрашивает дедушка, кладя руку на плечо зятя.

Бедняга трясет головой, словно он заранее согласен с любым ответом Арчибальда. Хотя тот, напротив, задал ему вопрос, а вовсе не собирался на него отвечать.

— Да... именно так! — неожиданно выпаливает Арман, все еще не опомнившийся от привидевшегося ему кошмара.

— Да, именно так... что так? — переспрашивает дедушка таким тоном, каким обычно разговаривают с малышами, еще не научившимися говорить.

— Дьявол!.. Я видел дьявола! — отвечает Арман, содрогаясь в конвульсиях, и глаза его буквально вываливаются из орбит.

Арчибальду больше не надо ничего объяснять. Он твердо знает: только одно существо на земле подходит под это определение. И это существо — Урдалак!

Со вздохом дедушка опускается на скамью рядом с Арманом. Два столь мрачных известия за короткое время могут подорвать силы и более молодого человека, нежели Арчибальд. Первая новость заключается в том, что Ужасный У проник в мир людей и вряд ли он явился сюда просто погулять или сделать шоппинг. Вторая новость следует из первой и касается Артура. Если Урдалак использовал пропускной луч, значит, юный Артур остался в мире минипутов. Теперь рост его не превышает двух миллиметров, и никто не знает, каким образом он сможет вернуть свой прежний рост.

И хотя в воздухе нет даже намека на ветерок, Арчибальд начинает дрожать так, словно его продувает до самых костей. Увы, душу его заполнила холодная, как полярная ночь, мысль: как помочь Артуру? А главное, кто сумеет решить эту задачу?

ГЛАВА 2

В это время Артур тоже сидит на скамейке, совсем как Арчибальд, только рядом с ним не Арман, а Барахлюш. И еще небольшая разница: размер скамьи Артура не превышает нескольких миллиметров, тогда как сколоченная из дубовых бревен скамья Арчибальда только в длину имеет больше метра. А если быть точным, то Артур сидит на кусочке спички. Скамья-спичка является общественным достоянием минипутов, о ней знают все. Она служит местом встреч, ибо стоит в самом людном месте, а именно возле главной площади, на улице, ведущей к северным воротам. От этих ворот начинаются все великие путешествия минипутов.

Артур и Барахлюш выглядят такими же удрученными, как и Арчибальд с Арманом. И есть отчего! Переход Урдалака в большой мир поверг в ужас всех обитателей минипутского королевства. Барахлюш до сих пор не может унять охватившую его дрожь. Артур то и дело вздыхает, тщетно пытаясь отогнать от себя кошмарное зрелище клешнеобразной конечности Урдалака, прижимающей нож к нежному горлу принцессы Селении. К счастью, ужасная история получила благополучное завершение. Селения вырвалась из цепких когтей Ужасного У всего лишь с царапиной на шее, король очередной раз кувыркнулся в обморок, а минипутский народ вволю потрепетал и поужасался.

Однако ободряющий исход этой страшной истории ничуть не умаляет сегодняшних проблем Артура. Ибо он действительно влип. Точнее, съезжился до двух миллиметров. Как вернуть свой прежний рост, а главное, кто теперь помешает Урдалаку исполнить его злоеший замысел? Ответов на эти вопросы нет, а потому вот уже целый час приятели сидят на кусочке спички и по очереди вздыхают.

— Не правда ли, удобная скамейка? — наконец произносит Барахлюш, прерывая затянувшееся молчание.

Артур смотрит на него непонимающим взглядом, словно баран на новые ворота. О каких удобствах может идти речь в такую минуту? А уж тем более применительно к кусочку спички, твердому, словно осколок гранита.

— Если бы ты посидел на диване в гостиной у бабулечки, ты бы понял, что значит настоящий комфорт, — отвечает Артур. — Диван такой мягкий, что дедушка, как только на него садится, мгновенно засыпает.

— О-о, такой диванчик я бы с удовольствием поставил у себя в

гостиной, — тоном истинного ценителя комфорта отвечает Барахлюш.

Стоило Артуру вспомнить о доме, как настроение его упало окончательно — дальше падать было некуда. Еще недавно он целыми днями сидел, положив перед собой дедушкину книгу, мечтал о том, как вновь попадет в чудесный мир минипутов, а ночью умолял небо поскорее даровать ему эту возможность. Но теперь, когда он не просто находится в этом мире, а, похоже, должен остаться в нем навсегда, Артур начинает понимать, как ему дорог его большой мир, дом бабушки и дедушки, его маленькая комната, в которой постоянно царит веселый беспорядок, даже дедушкина лестница, где каждая ступенька издает свой собственный скрип, словно клавиша гигантского рояля. Артур часами танцевал на этих ступенях, сочиняя все новые и новые мелодии. И не нужно никакого пианино — Артур успешно заменил его лестницей.

А еще в доме была большая светлая гостиная, где на каждом окне висели связанные бабулечкой занавесочки. Они защищали комнату от слепящих солнечных лучей, пропуская через свои крошечные дырочки света ровно столько, сколько приятно для глаз.

Проникнув сквозь кружевные занавесочки, свет с помощью притаившейся возле стен тени рисовал на полу причудливые узоры, удачно дополнявшие большую картину, вытканную на старом полинявшем ковре, который после долгих странствий занял почетное место в центре гостиной. Резные лепестки фантастических цветов, сотканных из тени и света, служили Артуру трассами автослалома, поэтому в солнечные дни он всегда играл в гостиной с машинками.

Ему не нужно было никакой игровой приставки. Весь дом был его игровой площадкой. Комод исполнял роль священной горы, холодильник — Северного полюса, а сад превращался в настоящую Амазонию. В джунглях Амазонки любил резвиться ужасный йети^[1], чью роль всегда блестяще исполнял пес Альфред.

Крошечная слеза скатилась по щеке Артура. Воспоминания о доме вконец расстроили его, и он уже почти жалеет, что ввязался в это приключение. Так часто бывает: только расставшись со своими близкими, начинаешь понимать, как они тебе дороги. В повседневной жизни твои близкие всегда с тобой, весь год они хлопчут у тебя перед носом, а потому ты не обращаешь на них никакого внимания. Хорошо еще, если не забудешь сказать «привет» папе, чмокнуть в щеку маму и мельком бросить взгляд на сваленные в углу игрушки, которые после двух недель игры кажутся такими старыми, словно кости ископаемых динозавров. Но стоит только уехать, представить себе, что ты больше никогда не увидишь ни

папу, ни маму, ни даже свою комнату, сразу понимаешь, до какой степени ты привязан к дому и к своим родным. И сейчас Артур жалеет, что недостаточно ценил выпавшее на его долю домашнее счастье и все время забывал сказать родителям, как он их любит и как это здорово, когда они рядом.

В Большой книге минипутов есть пословица, которая, на наш взгляд, довольно точно описывает его чувства. Речь идет об изречении на странице семьдесят пятой: «Что имеем — не храним, а когда теряем — плачем».

Артур полностью согласен с этим изречением. Ему не раз хотелось чего-то другого, хотелось жить в другом месте, в другом доме, иметь другие игрушки. И эти желания не давали ему в полной мере наслаждаться тем счастьем, которое дарил ему его собственная жизнь. Увы, человеку часто кажется, что лучше там, где его нет, и, вместо того чтобы постараться стать счастливым на своем месте, он тщетно рвется занять место чужое.

Артур выпускает тяжкий вздох — одновременно с Барахлюшем. Оба приятеля явно не в лучшей форме: сейчас они похожи на двух маленьких старичков, скрючившихся на скамейке.

— Полагаю, вы не намерены сидеть здесь как два мухотворца и вздыхать до следующего полнолуния?! — раздается тонкий голосок, внезапный и грозный, как гром среди ясного неба.

Голосок, разумеется, принадлежит Селении. В минуту опасности принцесса всегда бодра и полна энергии. Похоже, несчастья для нее — как бензин для мотора автомобиля. Стоит только возникнуть проблеме, совершиться несправедливости, произойти катастрофе, как маленькая принцесса уже готова пуститься в путь, дабы покарать виновных и восстановить справедливость. Не стоит даже пытаться ее отговаривать — она все равно вас не послушает. Она — как яблочный червячок, который, едва почуяв яблоко, мчится к нему со всех ног, не разбирая дороги.

— А кто такой этот мухотворец? — робко спрашивает Артур, глядя, как Селения пританцовывает на месте от нетерпения.

Барахлюш в замешательстве. Как в нескольких словах описать животное, обладающее массой разнообразных свойств? Мухотворцы водятся на Втором континенте, на равнинах Тама-Тама. Средних размеров, они обладают мягкой шерстью и двумя огромными голубыми глазами, печально и устало взирающими на мир. Мухотворцы живут семьями и постоянно заняты тем, что вылизывают друг друга, чтобы предупредить появление паразитов и устранить тех, которым удалось внедриться в шерсть. Больше они, собственно, ничем и не занимаются. Пожевав жвачку, они ложатся спать вместе с солнцем. Но как только на усеянном звездами

небе появляется луна, все семейство мухочков просыпается, садится на задние лапы и поднимает головы, устремив взоры в сторону ночного светила. В таком положении мухочки могут сидеть часами, ночами и даже годами. Возможно, они хотят разгадать секрет планеты Луна. Любое другое существо, посвети оно столько же времени наблюдению за Луной, непременно открыло бы ее тайну. Но мухочки славятся не только своими огромными печальными глазами, но и отсутствием сообразительности: еще ни один мухочок не разгадал ни одной загадки.

— Ну как бы тебе объяснить... это не слишком умное животное, и сравнение с ним никому не льстит! — выпаливает после непродолжительных размышлений Барахлош, одновременно бросая мрачный взгляд на сестру.

Но принцессу таким взглядом не испугаешь. Она никогда не ложится спать, не решив проблему. Однако не стоит ей завидовать, ибо решения, которые она принимает, всегда исключительно ее собственные, а значит, ей их и выполнять.

— Должно быть решение! Решение есть всегда! — шепчет она, расхаживая по кругу.

— «А если нет решения, значит, нет и проблемы!»! Статья двести вторая Большой книги, — чеканит Барахлош, довольный тем, что ему удалось блеснуть своими познаниями.

Селения внезапно останавливается и поворачивается к Артуру:

— Нам надо созвать совет, снова вытащить меч из камня и уничтожить этого чертова У, пока он еще чем-нибудь не напакостил.

— Селения, я готов отправиться на поиски приключений. Но Ужасный У вырос и наверняка стал ростом более двух метров, а наш рост не превышает двух миллиметров! — вполне здравомысляще напоминает Артур.

— Два метра, два миллиметра! Какая разница! — достойно отвечает принцесса. — Храбрость бойца измеряется не миллиметрами!

— А чем измеряется глупость? Числом благодарностей, которые будут выбиты в камне на твоей могиле? — парирует раздраженный Артур. — Целых два метра, Селения! Ты просто не представляешь себе, какая это величина! Несмотря на всю его силу, твой меч покажется ему зубочисткой. Особенно когда он схватит его своими крючковатыми когтями!

— Но, если ты, мой юный Артур, полагаешь, что маленький рост помешает мне сражаться, ты ошибаешься! Я настоящая принцесса и буду защищать свое королевство до последней капли крови! — охваченная благородным негодованием, отвечает Селения.

— Побереги свой пыл для большого совета! — как всегда, не упускает возможности подколоть сестру Барахлюш.

Селения меряет его взглядом, потом задумывается, словно старается что-то вспомнить.

— Ну-ка, напомни мне, Барахлюш, давно я тебя хотела придушить?

Соскочив со скамейки, Артур энергично машет руками:

— Довольно! Брейк! Оттого, что мы передушим друг друга, решение не найдется!

— Ах вот как! Тогда давай придумывай свой план, месье всезнайка! — нервно выкрикивает Селения. Ей все труднее сдерживать охватившее ее волнение.

Артур подходит к принцессе и, положив руки ей на плечи, заставляет ее сесть.

— Чтобы найти решение, надо немного подумать на спокойную голову. Сначала подумать, а потом действовать, — убежденно произносит Артур.

И он начинает усиленно тереть виски — словно хочет ускорить работу мозга.

— Давайте подведем итог: У — огромный, мы — очень маленькие. Очко в его пользу. Но он попал в мир, который он не знает, зато его знаю я. И это очко в нашу пользу.

— Зная У, можно предположить, что он быстренько вызовет свою армию и с ее помощью завоюет твою страну! — произносит Селения, а Барахлюш добавляет:

— Ему понадобилось меньше одного лунного месяца, чтобы завоевать все Семь континентов, а ведь тогда он был ростом всего три миллиметра!

— Разумеется, мы примем это во внимание и зачтем еще одно очко в его пользу, — продолжает Артур, сосредоточенно глядя в землю. — Значит, нам надо как можно скорее увеличиться и остановить Ужасного У.

— Замечательно! Просто великолепно! Главное — правильно обрисовать ситуацию! — насмешливо восклицает Селения, разводя руками и возводя глаза к небу. — И как, интересно, ты надеешься увеличиться? Влить в себя сто порций селенельного супа, чтобы вырасти на один миллиметр?

Артур точно знает, что от супа дети растут, а от селенельного супа, наверное, растут вдвое быстрее, однако это все равно не выход. Решение задачи находится где-то рядом. Продолжая сосредоточенно глядеть в землю, Артур усиленно роется в памяти, ибо твердо уверен, что именно там он найдет ответ на свой вопрос. К несчастью, в его памяти царит такой

же кавардак, как и в его комнате, и он никак не может докопаться до того, что ищет.

Напомним: не он один не любит убираться у себя в комнате. Ибо, если говорить честно, кавардак в комнате его дедушки Арчибальда царит еще больший. Если бы память дедушки напоминала такую же свалку вещей, какую напоминает его кабинет, то Арчибальд вряд ли смог бы вспомнить даже собственное имя. В его кабинете идеальный порядок только на полках, где ровными рядами выстроились книги.

— Книги! — неожиданно восклицает Артур.

Барахлюш подскакивает и с перепугу бросается на шею сестре.

— Какие книги? — высвобождаясь из неожиданных объятий, спрашивает принцесса.

— Книги моего дедушки Арчибальда!

— Ты полагаешь... в них есть увеличительное средство? — скептически тянет Барахлюш.

— Нет! Средство находится между книгами! — радостно отвечает Артур.

Он наконец нашел ту самую штуку, которую так долго искал у себя в памяти. Действительно, прежде чем попасть к минипутам, как раз накануне перехода Артур сидел за дедушкиным письменным столом. Ночь была лунная, и он с нетерпением ожидал появления луча, чтобы проникнуть в мир любимой принцессы. Желая скоротать время, он в который раз перелистывал Большую книгу Арчибальда. Точнее, раскрывал ее на пятьдесят седьмой странице, той самой, где дедушка поместил портрет принцессы Селении.

Артур мог часами рассматривать этот рисунок, обводить пальцем его контуры. Но когда настал час обеда, он аккуратно закрыл книгу и решил отнести ее на место. И в тот момент, когда мальчик ставил ее на полку, он заметил крошечный пузырек. Картинка на этикетке не оставляла сомнений в том, что за жидкость была в нем[2].

— А ты уверен, что эта настойка поможет тебе увеличиться? А вдруг ты станешь еще меньше? — с тревогой спрашивает Селения.

— Лучше бы сначала проверить, а потом уж пить, — философски замечает Барахлюш. — А то я у вас и так самый маленький, и мне бы не хотелось стать еще ниже!

— Мне кажется, жидкость работает в двух направлениях, — отвечает Артур. — Она должна делать больших людей маленькими, а маленьких увеличивать до человеческого роста.

— Что ты подразумеваешь под «человеческим ростом»?! —

возмущенно произносит принцесса. — По-твоему, мы роста нечеловеческого?

Артур понимает, что ляпнул глупость, и отчаянно машет руками, судорожно пытаясь придумать подходящее извинение.

— Да нет же, нет! Ты самая человеческая из всех людей, которых я знаю! Я хотел сказать... сказать... что ты просто маленькая!

— Ага! Так ты, значит, считаешь меня маленькой?! — поворачивает разгневанное личико к Артуру возмущенная Селения.

— Да нет, что ты, что ты! Ты очень красивая! Я... я хотел сказать... ты очень... очень большая!

И окончательно запутавшись, Артур умолкает, понимая, что слова, роящиеся у него в голове, никак не хотят складываться в правильные и красивые фразы. Растерянно хлопая глазами, он смотрит на Селению, которая, подобно разъяренной тигрице, кружит вокруг скамейки. Да, ситуация дурацкая. Но Артур уверен: главное — не отчаиваться.

— Я просто хочу сказать, что эта жидкость позволит нам стать нужного роста, чтобы мы могли сразиться с У на равных! — успокоившись, отчетливо проговаривает мальчик.

Селения испытующе смотрит на него, словно оценивая правильность высказанной им мысли.

— Согласна, — наконец милостиво кивает она. — Пошли!

И, развернувшись, бодрым шагом направляется к королевскому дворцу.

— Пошли... куда? — растерянно спрашивает Артур; ход мыслей принцессы ему явно непонятен.

— Как куда? Соберем совет, вытащим меч из камня, доберемся до кабинета твоего дедушки, выпьем жидкость из пузырька и зададим жару этому чертову Урдалаку! — выпаливает принцесса на одном дыхании.

Услышав запретное имя, Барахлюш даже подскакивает от страха: ведь это имя приносит одни несчастья! Но Селения лишь пожимает плечами.

— Принимая во внимание наше далеко не блестящее положение, я не знаю, какое еще несчастье может нас постигнуть!

Едва принцесса договаривает фразу, как откуда-то раздается глухой и грозный гул. Гравий на дорожке, ведущей в город, вибрирует и подскакивает, а с потолка, как это бывает при проливном дожде, падают кусочки земли.

Селения поднимает глаза к земляному своду, заменяющему минипутам небо.

— Черт возьми, что там еще творится на поверхности?

ГЛАВА 3

Большая полицейская машина с громким скрежетом остановилась на усыпанной гравием площадке перед крыльцом. Ее мощный двенадцатицилиндровый мотор рычит так, что земля содрогается, а в городке минипутов начинается настоящий землетрясение.

Выключив зажигание, начальник местной полиции лейтенант Мартен Балтимор водружает на голову форменное кепи и степенно выходит из автомобиля. Лейтенант — педант, он назубок знает устав и всегда о нем помнит, тем более при исполнении служебных обязанностей. Поэтому он подтягивает галстук, проверяет, на месте ли полицейский значок, поправляет пояс, на котором висит все необходимое полицейское снаряжение, и только потом направляется к входной двери.

Он дергает за цепочку, и в ответ раздается звук колокола. На расстоянии нескольких метров за лейтенантом следует его напарник Симон. Симон очень молод — всего год служит в полиции. И у него еще не выработались навыки, необходимые образцовому полицейскому.

— Упс! — восклицает напарник, оступившись, и цепляется за перила крыльца. — Чуть не упал! — извиняющимся тоном поясняет он.

— Симон, твой значок! — напоминает ему лейтенант.

Молодой полицейский шарит руками по рубашке и обнаруживает, что его бляха наполовину прикрыта клапаном кармана форменной рубашки. Симон, как может, высвобождает бляху, однако ясно, что прицепил он ее не на положенное место.

— Бляха должна располагаться на четыре пальца ниже кармана, малыш! И никак иначе! — назидательным тоном объясняет Мартен.

— А! Спасибо, что напомнили! — отвечает молодой человек, откалывая значок и намереваясь приколоть его туда, куда ему было указано.

Однако Симон очень неловок, и бляха выскальзывает у него из рук. Мартен возводит глаза к небу и тяжело вздыхает. Симон бормочет извинения, делает два шага и наклоняется, чтобы подобрать значок. Эти шаги приблизили его к двери ровно настолько, чтобы, распахнувшись изнутри, дверь точнехонько врезалась ему прямо в нос! Хлоп, крак — оба звука слились в один! Звуки громкие и крайне неприятные. Остается только надеяться, что «крак» издала дверь, а не нос бедного полицейского. Иначе в дальнейшем ему вряд ли придется пользоваться носовым платком — за отсутствием предмета для вытирания. Но куда бы ни пришелся удар, он

был так силен, что достойный молодой человек зашатался и, потеряв равновесие, с воплем покатился по ступеням. Исполнив впечатляющий пируэт, который на чемпионате мира по акробатике наверняка принес бы ему не менее десяти баллов, Симон, отчаянно вращая руками и дрыгая ногами, словно подбитый самолет, приземлился на небольшую клумбу с цветами, явно не предназначенную для таких посадок. Перекувырнувшись несколько раз в воздухе, следом за своим владельцем приземлился и значок.

Распахнув дверь настежь, Арчибальд нос к носу сталкивается с лейтенантом.

— Ах, это вы! Спасибо! Спасибо, что приехали так быстро! — говорит он Мартену, радостно пожимая ему руку.

Тут он замечает некое существо, отчаянно барахтающееся на клумбе с маргаритками. Существо слишком велико для крота, и, чтобы рассмотреть его получше, Арчибальду приходится водрузить на нос очки. Как только очки занимают свое место, дедушка получает возможность разглядеть предмет, вызвавший у него такой живой интерес. И убеждается, что речь идет не о каком-то там существе, а о полицейском собственной персоной. Только этот полицейский с головы до ног облеплен маргаритками.

— Это Симон, мой молодой напарник, — смущенно поясняет Мартен удивленному Арчибальду. — Он еще очень молод, и я обучаю его нашему ремеслу.

— Ах, вот оно что! И сейчас он берет урок хождения по ступенькам?! — с усмешкой спрашивает дедушка.

— Ну, в общем, да, — смутившись еще больше, соглашается Мартен.

Арчибальд дружески похлопывает его по плечу.

— Предупредите меня, когда он начнет учиться стрелять! Я на это время уеду в отпуск, желательно куда-нибудь подальше! — шепчет дедушка на ухо лейтенанту.

Но Мартену не до смеха. Глядя, как Симон крутится на четвереньках по клумбе, он от досады чуть не плачет.

— Ну же, Симон! Вы обязаны выглядеть достойно! — начальственным тоном обращается Мартен к напарнику.

Но Симон продолжает крутиться на месте, словно свинья в поисках трюфелей.

— Я п-потерял свой значок! — наконец, заикаясь, отвечает он, в ужасе от последствий, которые может иметь эта потеря.

— Идемте, Мартен! У нас к вам очень важное дело! — говорит Арчибальд, увлекая лейтенанта в дом.

Скрепя сердце Мартен подчиняется. Будучи хорошим начальником, он

не бросает своих подчиненных на произвол судьбы.

— А за него не беспокойтесь! Значок не мог далеко упасть, так что он скоро найдет его!

Мартен кивает в знак согласия и позволяет увести себя в гостиную.

Пока молодой полицейский шарит среди кустиков маргариток, Роза занимается приготовлением лимонада. Роза — мать Артура. Это имя подходит ей как нельзя лучше, так как она любит платья в цветочек и всегда улыбается, словно на дворе стоит первый день весны. Воды этой Розе хватает, потому что вот уже пять минут, как она, словно стебель, держит палец под бегущей из крана струей. Но что она делает, стоя в неудобной позе и засунув палец под водяную струю?

Чтобы разобраться, что к чему, придется вернуться немного назад. Роза всегда волнуется, когда приходят гости. Вот и сейчас, заметив Мартена, она бросилась ему навстречу и без промедления предложила лимонаду. Принимая во внимание стоящую в эти дни жару, она была уверена, что гость не откажется. Мартен действительно поблагодарил ее и ответил, что охотно выпил бы стаканчик. Роза поспешила на кухню, что — помня о ее хронической неловкости — мы можем считать дурным предзнаменованием. Сначала она решила вынуть из лотка для фруктов лимоны, но, не справившись с задачей, уронила на пол весь лоток. Затем, натыкаясь на все без исключения углы, она попыталась собрать рассыпавшиеся фрукты.

Проблема Розы заключается в том, что она постоянно становится жертвой собственного энтузиазма.

В прошлом году она навещала свою несчастную тетушку Бернадетту, которая по причине преклонных лет не могла больше выходить на улицу. Зима стояла холодная, и Роза, всегда готовая оказать услугу, предложила тетушке делать вместо нее покупки и вести ее хозяйство. Через месяц в доме Бернадетты не осталось ни одного целого предмета. Но по сравнению с главной катастрофой это, воистину, были милые пустяки. Роза подожгла дом. Точнее, она поджигала его трижды. Хотя, надо признать, на улице стояли ужасные холода — но не настолько ужасные, чтобы поджигать дом. Когда дом загорелся в третий раз, бедняжка Бернадетта даже пожаловалась на жару.

— Тебе не кажется, что у нас чуточку жарко? — спросила старушка Розу, когда вокруг нее уже всюду полыхало пламя.

Разумеется, Роза тут же кинулась открывать окно, и ворвавшийся в него ветер еще больше раздул пламя. Дом сгорел менее чем за час. К счастью, Бернадетта была подслеповата, а потому не способна оценить